

В соответствии с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011 – 2015 годы главная цель социально-экономического развития страны в предстоящем пятилетии – дальнейший рост благосостояния и улучшения условий жизни населения на основе социально-экономических отношений, инновационного развития и повышения конкурентоспособности национальной экономики. Реализация поставленной цели потребует концентрации ресурсов на следующих приоритетных направлениях: развитие человеческого потенциала, предпринимательство и инициатива, инновационное развитие и структурная перестройка экономики, создание новых наукоемких, высокотехнологических производств, рост экспорта товаров и услуг, сбалансированность и эффективность внешней торговли.

Таким образом, на современном этапе социально-экономического развития многих стран, в том числе и Республики Беларусь, четко обозначена необходимость формирования экономики нового типа – инновационной экономики, основанной на знаниях. Одним из приоритетных направлений исследований ученых в сфере экономики является изучение изменений институциональной среды отдельных стран и регионов, обуславливающее место страны в мировой системе и предопределяющее эффективность социально-экономического развития.

УДК 330.101.22

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СЦЕНАРИЯМ ИЗМЕНЕНИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ И МАЛЫХ БАЗОВЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

*канд. ист. наук, доц. С.В. КСЕНЗОВ, канд. экон. наук, доц. В.Э. КСЕНЗОВА,
д-р экон. наук, проф. К.К. ШЕБЕКО
(Полесский государственный университет, Пинск)*

Исследуются актуальные проблемы институциональных изменений. Рассмотрены основные направления изменений институциональной среды с учетом выделения как базовых цивилизационных матриц, так и устойчивых малых институциональных матриц. Проведен анализ западных и отечественных исследований природы самих институциональных изменений и трансакционных издержек как важнейшего эндогенного фактора, влияющего на эти изменения. Обращается внимание на недостаточную степень разработанности концепции адекватных институциональных изменений для стран с X-матрицей. Предлагаются возможные сценарии трансформации институциональной среды (на примере Республики Беларусь), отталкиваясь от идеи о том, что малая базовая матрица является устойчивым образованием и может находиться в различных соотношениях с цивилизационными матрицами (как родственными, так и противоположными).

Сложный период трансформации институциональной среды, связанный с внедрением институтов рынка в социально-экономические системы бывших социалистических стран, вызывает настоятельную необходимость фундаментального анализа механизмов, направлений и инструментария таких трансформаций. Поэтому в последнее время происходит активизация интереса к проблемам теории и методологии институциональных изменений как в целом, так и применительно к отдельным странам и регионам.

Для Республики Беларусь **вопросы изменения институциональной среды** также являются одними из самых актуальных, так как от адекватности вектора развития и трансформации всей системы институтов зависит то место, которое страна займет в мирохозяйственной системе.

Изменения институциональной среды осуществляются по нескольким направлениям:

- эволюция системы неформальных правил и норм поведения хозяйствующих субъектов в сторону ее приспособления к меняющимся внутренним и внешним условиям жизнедеятельности данного социума;
- приспособление эндогенных формальных норм поведения субъектов экономики к меняющейся системе неформальных ограничителей;
- трансплантация (или импорт) конгруэнтных институтов из родственных или альтернативных социальных систем.

Условно можно выделить революционную и эволюционную форму трансформации институциональной среды определенного сообщества (как правило, в рамках конкретных государств, хотя и не всегда в рамках конкретных государственных границ). Условность определяется тем, что система неформальных институтов (правил, ограничителей) не может быть мгновенно (с точки зрения исторического времени) заменена на альтернативную в силу своей инерционности, но именно эта система и формирует базовые институты матрицы данного этноса. В этом смысле революционная замена институциональной матрицы есть не что иное, как полное уничтожение этноса (либо его естественное вымирание и появление на данной территории другого этноса с другой институциональной матрицей).

Английский историк и социолог А.Дж. Тойнби, рассматривая процесс становления и развития цивилизаций, отмечает: «... обращаясь к 775 г., мы обнаруживаем, что количество и основные черты обществ на карте мира не претерпели с течением веков особых изменений. В сущности, мировая карта остается неизменной со времени возникновения западного общества. В борьбе за существование Запад стал доминировать в экономическом и политическом планах, но он не смог полностью обезоружить соперников, лишив их исконно присущей им культуры. В духовном поединке последнее слово еще не сказано» [1, с. 34].

Такой подход созвучен идее X- и Y-матриц, выдвинутой российским социологом С.Г. Кирдиной. В книге «Институциональные матрицы и развитие России» автор утверждает, что базовые политические, экономические и идеологические институты матрицы формируются на заре создания государства и не претерпевают в дальнейшем кардинальных изменений (т.е. не подлежат замене альтернативными базовыми институтами из противоположной матрицы). Исходя из объективистской парадигмы социологического исследования С.Г. Кирдина отмечает следующее: «... общество понимается как социальная макроструктура, существующая объективно и независимо от индивидов, как результат предшествующей деятельности людей, отделенный во времени от них самих. В определенных границах эта структура, образованная комплексом постоянно функционирующих социальных институтов, остается неизменной, несмотря на то, что ее внешние проявления постоянно меняются» [2].

Революционные изменения институциональной структуры сформированного в рамках определенных государственных границ социума как раз и есть существенные модификации этих самых «внешних проявлений». Но модификации на основе прежней базовой матрицы. Тойнби так дает характеристику данного процесса в терминах цивилизационного подхода: «... цивилизации представляют собой не статические формации, а динамические образования эволюционного типа. Они не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направление, как если бы они двигались по улице с односторонним движением» [1, с. 87].

И у С.Г. Кирдиной, и у А.Дж. Тойнби прослеживается анализ траектории институциональных изменений (в рамках определенной цивилизации) применительно к эпохе модернизма, когда шел процесс формирования западной цивилизации на основе Y-матрицы. На наш взгляд, все существующие институциональные концепции, затрагивающие в той или иной степени вопросы институциональных изменений, также не выходят за определенные исторические рамки при анализе данных процессов. И это совершенно логично, поскольку лишь с оформлением Y-матрицы как базовой для Западной Европы социальный мир систематизировался как двуединое начало с двумя противоположными центрами. Условно мир (на пороге первого и второго тысячелетий от рождения Христа) разделился более-менее четко на Запад и Восток, что задало социальному развитию в планетарном масштабе определенный вектор – единство и противопоставление двух мироощущений, мироощущений и мировосприятий.

Исторически процесс выделения двух базовых матриц шел через отбор цивилизационных образований, в ходе которого, просеиваясь (если использовать терминологию Тойнби) испытаниями типа «вызов – и – ответ», «уход – и – возврат» и др., выжили те цивилизации, которые адекватно сгруппировали экономические, политические и идеологические базовые институты. Кардинальная разница двух миров заключается в различном осознании соподчиненности двух главных для человека сущностей – Я и Мы.

Невозможно одновременно логически воспринимать непротиворечивость и параллельность этих двух сущностей, если только не отождествлять себя с природой как ее невыделяемая часть. Человек как духовное и социальное существо должен был искать интуитивно ответ на вопрос о соподчинении этих сущностей, поскольку биологическая природа человека не дает ему возможности раствориться в этих сущностях как в едином имманентном. Появление двух базовых матриц – это вполне закономерная попытка человечества интуитивно найти адекватный историческому времени ответ. Социум, достигнув нужного интеллектуального и материально-технического уровня развития, объективно натолкнулся на два противоположных пути исторического будущего – 1) Я значимее, чем Мы; 2) Мы значимее, чем Я.

Пока что в человечестве сформировалось противопоставление двух миров, так как процесс осознания выбранного пути еще не завершен, что ярче всего проявляется в разнице идеологий. Поэтому анализ институциональных трансформаций не может быть объективно ничем другим как анализом изменений «внешних проявлений», происходящих в рамках заданного идеологического вектора. Отсюда споры

о степени возможности трансплантации и импорта институтов из одной базовой матрицы в другую, теории конвергенции и т.п. Во всяком случае, уже сформировалось понимание кардинальной противоположности двух миров в сознании людей и, более того, понимание (или скорее ощущение) того, что эти миры не противоположны, а представляют собой сложное единство в начале его становления как познанной (и признанной) сущности человечества.

Как показывает анализ литературы, посвященной проблемам институциональных изменений, еще не сформировалась четкая теория таких изменений. Это вполне объяснимо, так как изменения институциональной среды рассматриваются экономистами, подсознательно воспринимаемыми как объект для изучения базовую матрицу именно своего социума.

Базовой концепцией институциональных изменений в западной экономической науке является теория, объясняющая трансформации институтов фактором эффективности (Х. Демсец, Т. Андерсон, П. Хилл, Д. Норт) [3 – 5]. Демсец анализировал процесс возникновения частной собственности среди индейцев в восточной части Канады. Андерсон и Хилл с помощью этого подхода показали эволюцию прав на землю, воду и скот у индейцев, проживавших на Великих равнинах Северной Америки. Норт назвал первой экономической революцией (неолитической) переход от охоты и собирательства к оседлому земледелию. «Первая экономическая революция была революцией не потому, что она перевела основную экономическую деятельность людей из сферы охоты и собирательства в сферу оседлого земледелия. Она была революцией потому, что этот переход обусловил фундаментальное изменение человеческих стимулов. Это изменение стимулов явилось следствием различий в правах собственности, присущих упомянутым двум системам. Когда существуют общие права собственности на ресурсы, нет стимулов к использованию более совершенных технологий и обучению. Напротив, исключительные права собственности, которые вознаграждают их владельцев, обеспечивают прямые стимулы повышать продуктивность и производительность, или, в более общих терминах, приобретать больше знаний и новых технологий. Это те изменения в стимулах, которые объясняют быстрый прогресс человечества в последние десять тысяч лет в противоположность его медленному развитию в течение сотен тысяч лет как сообщества собирателей и охотников» [6].

Подход Д. Норты и других сторонников концепции обусловленности эволюции институтов фактором эффективности Т. Эггертссон назвал «наивным» [7, с. 213]. Он считает, что в рамках этого подхода игнорируются политические факторы, факторы перераспределения богатства. Критики «наивного» подхода, однако, не учитывают, что активная роль государства в институциональных изменениях наблюдается только в последнее столетие, а тысячелетиями государство пассивно наблюдало за возникающими снизу институтами.

Теория Д. Норты претерпела значительную эволюцию с 1970 года по настоящее время. Норт, задавшись вопросами: «Почему существуют сравнительно неэффективные экономики?», «Что мешает им воспринять институты более эффективных экономик?», ответил так: История имеет значение. Институциональные изменения зависят от предшествующего развития [5, с. 120].

В Европе наиболее известна школа новой институциональной теории Э. Фуруботна и Р. Рихтера. Дополняя и развивая идеи американских институционалистов, они пришли к интересным выводам: «... в социальном планировании полная и совершенная рациональность невозможна вследствие транзакционных издержек и неизбежного недостатка знания того, что принесет будущее. Институциональные устройства будут по необходимости неполны, и поэтому их с самого начала нужно планировать как неполные. ... Можно кратко напомнить о других факторах, влияющих на развитие институтов. На социальные процессы воздействуют агентские отношения, что ставит ряд специальных проблем, связанных с информационной асимметрией. Неизбежно имеет место сильная взаимосвязь между экономической и политической деятельностью. И наконец, мы знаем, что для успеха или провала институционального изменения имеет значение история и что существуют границы институциональной инженерии. Зависимость институционального изменения от траектории предшествующего развития, идеологической установки, а также факт эмоциональной предрасположенности людей всегда необходимо принимать в расчет» [8, с. 40 – 41] (выделено нами – С. К., В. К., К. Ш.). Авторы на первое место в факторах институциональных изменений поставили транзакционные издержки и лишь затем отметили значение политических, исторических, идеологических и иных факторов.

«Распределительная теория» институциональных изменений принадлежит перу Г. Лайбкепа. С его точки зрения отношение отдельных экономических агентов к предлагаемой институциональной инновации определяется чистыми выгодами, достигающимися им от осуществления последней. Возникающий конфликт интересов находит свое отражение в процессе ведения переговоров и заключения сделок. «Ядро проблемы осуществления этих сделок заключается в придумывании политически приемлемых распределительных механизмов для указания получателей выгод от институциональных изменений в течение того времени, пока сохраняются их производственные преимущества» [9, р. 5]. Таким образом, Лайбкеп предлагает анализировать институциональные изменения в зависимости от предшест-

вующей истории развития, сложившегося соотношения выгод и издержек, а также сложившихся правил распределения выгод и убытков.

Данные концепции анализируют факторы и логику институциональных изменений базовой Y-матрицы, т.е. матрицы, расставившей акценты между Я и Мы в пользу Я. Логика исторического развития в понимании западных экономистов – это создание мира, максимально способствующего самореализации личности через подчинение общественных интересов личным, причем во всех сферах человеческой жизнедеятельности. В это миропонимание имманентно вписывается (и одновременно создает это миропонимание) идеология католицизма и протестантизма, ускорение научно-технического прогресса с его обязательным применением в процессе создания материальных ценностей, система парламентаризма и ограниченности верховной власти.

Такая расстановка акцентов между личностными и общественными (коллективными) интересами объективно упирается в решение проблемы выбора средств в реальной человеческой практике, с помощью которых подтверждается такая соподчиненность Я и Мы. В силу того, что в рамках исследуемого исторического отрезка людям (в их большинстве) доступны (именно как средство самоутверждения и выделения из общности) в большей степени те личные возможности, которые базируются, во-первых, на использовании предметов материального мира, а во-вторых, связаны с физическими возможностями самих людей, главное место в базовой матрице занимают институты, способствующие росту материальной благополучия отдельной личности. Все базовые институты объективно направлены на интенсификацию действия материальных стимулов. Именно поэтому вопросы институционального развития западного общества, как это показано выше, изучаются в контексте вопросов усиления эффективности экономической деятельности через адекватные трансформации институтов.

В российской и белорусской экономической науке пока что еще не созданы цельные логичные теории институциональных изменений стран, базовые институты которых соответствуют X-матрице, т.е. предполагают решение дилеммы Я или Мы в пользу Мы.

Теоретические закономерности институциональных изменений рассматриваются в монографиях С.Ю. Солодовникова, А.Н. Нестеренко, Е.В. Попова, Г.Б. Клейнера, А.Д. Некипелова [10 – 15]. Следует отметить учебники А.Е. Шаститко и В.Л. Тамбовцева [16, 17]. Защищены диссертации по проблемам эволюции институциональной среды Е.Б. Дориной, Г.В. Перепелица, А.П. Табурчак, Р.Ф. Пустовойта, И.Е. Иляковой [18 – 22].

Из работ белорусских ученых следует выделить труды С.Ю. Солодовникова, который написал серию статей и книг, посвященных эволюции социально-экономических систем Беларуси и России. В монографии «Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис» (Минск, 2006) автор показал взаимообусловленность цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц, раскрыл эндогенные и экзогенные социально-экономические факторы, обуславливающие эволюцию социально-классовой структуры общества. Исследователь С.Ю. Солодовников предпринял попытку проследить генезис социально-классовой структуры современного белорусского общества, но в связи со сложностью задачи ограничился анализом этого явления за последние 100 лет.

Солодовников С.Ю. в соавторстве с Никитенко П.Г. в книге «Социально-экономические системы Беларуси и России: эволюция и перспективы» (Минск, 2008) выявили методологические основы рассмотрения социально-экономических систем и социально-классовой структуры общества. Авторы подвергли анализу трудовые отношения, отношения собственности, отношения социально-экономического определения, потребностные отношения. Интересна их трактовка понятия «эволюция»: «Под эволюцией социально-классовой структуры общества нами понимаются процессы изменения (преимущественно необратимого характера), протекающие в ней. В результате эволюции возможно ее усложнение, дифференциация, повышение уровня организации или же, наоборот, понижение этого уровня ... Эволюция включает в себя как постепенные количественные изменения, так и качественные сдвиги» [11, с. 245].

Российский экономист А.Н. Нестеренко в работе «Экономика и институциональная теория» (Москва, 2002) ближе всех подошел к истине в вопросе механизма институциональных изменений. Ему удалось поднять проблему: «почему и как меняются институты», «как проходят институциональные реформы».

В монографии «Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве» (Москва, 2006) А.Д. Некипелов считает, что поступательное движение от индивида, стремящегося к удовлетворению своих потребностей и производящего блага для этой цели, появление новых индивидов с теми же задачами приводит к естественному возникновению и усложнению хозяйственной и социальной среды, формированию и развитию адекватных институтов. Эту позитивную установку автор, однако, не использовал для полноценного институционального анализа, ограничившись моделью простого товарного обращения.

В целом можно отметить, что в работах российских и белорусских экономистов чувствуется влияние западных институциональных концепций, концентрирующихся вокруг проблем влияния институциональных изменений на материальную (экономическую) составляющую человеческой жизни. Отсюда

большой интерес к проблемам импорта (или даже трансплантации) базовых институтов (и в первую очередь институтов рынка, понимаемого широко, в идеологическом контексте) западной матрицы в совершенно противоположную матрицу общества, иначе расставившего принципиальные для мироосознания (или точнее – осознания значимости и места Я в этом мире) акценты.

Практически все исследователи сходятся во мнении о том, что импорт базовых институтов происходит с большими сложностями, противоречиво, трудно, медленно приспособляясь к местной институциональной среде (либо приспособлявая к себе данную среду).

Параллельно происходят процессы трансформации собственно институциональной среды под воздействием эндогенных факторов. Мы полагаем, что важнейшим таким эндогенным фактором, инициирующим институциональные изменения безотносительно к типу базовой матрицы, являются транзакционные издержки функционирования институтов. Причем транзакционные издержки в данном контексте понимаются широко как социальные издержки разного уровня, связанные с созданием, функционированием институтов, а также с борьбой этих институтов между собой в период накопления энтропийных изменений за закрепление в институциональной матрице. Собственно вся история институциональных изменений после оформления X- и Y- матриц – это история эволюционной борьбы за выживание адекватных этим матрицам систем институтов. Поэтому в рамках современных институциональных концепций теория транзакционных издержек занимает одно из главных мест.

Экономическая теория транзакционных издержек (ТИ) является составной частью новой институциональной экономической теории (НИЭТ). Эта история базируется на тезисе о том, что создание институтов и организаций и их практическое использование требуют затрат. Следовательно, транзакционные издержки существуют объективно, они необходимы. Транзакционные издержки возникают в связи с процессом обмена, и их величина влияет на способ организации и осуществления экономической деятельности. Общее понятие транзакционных издержек включает издержки ведения переговоров, принятия решений, дисциплинирования, защиты институтов. Наибольший вклад в разработку теории транзакционных издержек внесли Р. Коуз, О. Уильямсон, А. Алчян, Х. Демсец.

В 1934 году Дж.Р. Коммонс выдвинул идею о том, что транзакция (передача прав собственности) должна рассматриваться как базовая единица экономического анализа. «Коллективный контроль над индивидуальными транзакциями представляет собой концептуальный вклад институционализма в политическую экономию» [23, p. 6].

Открыл транзакционные издержки как экономическую категорию Р. Коуз в 1937 году. На основе этого открытия во второй половине XX века произошла революция в микроэкономике. Идеи Коуза дали главный импульс их развития. Появляются новые теории: «теория контрактов», «теория прав собственности», «новая институциональная экономическая история», «конституционная экономическая теория». Эрроу определил, что в общем смысле «транзакционные издержки – это издержки эксплуатации экономической системы» [24].

Многими экономистами при объяснении феномена транзакционных издержек проводится аналогия с трением. У Коуза есть ссылка на слова Стиглера: «Мир с нулевыми транзакционными издержками оказывается столь же странным, как физический мир без сил трения. Монополистам можно выплачивать компенсацию за то, чтобы они вели себя конкурентно, а страховые компании просто не существовали бы» [25]. В трактовке Д. Норта транзакционные издержки «состоят из издержек оценки полезных свойств объекта обмена и издержек обеспечения прав и принуждения к их соблюдению» [5, с. 45]. Эти издержки служат источником социальных, политических и экономических институтов.

Демсец понимает данную категорию издержек «как издержки любой деятельности, связанной с использованием ценового механизма. Аналогично, издержки управления он определяет как «затраты, связанные с осознанным управлением использованием ресурсов» и предлагает использовать следующие аббревиатуры: PSC (price system costs) и MSC (management system costs) – издержки использования ценового механизма и механизма управления соответственно [26].

Также в новой институциональной экономической теории распространён следующий взгляд на природу транзакционных издержек: «Фундаментальная идея транзакционных издержек – в том, что они состоят из издержек составления и заключения контракта *ex ante*, а также издержек надзора за соблюдением контракта и обеспечения его выполнения *ex post* в противоположность производственным издержкам, которые суть издержки собственно выполнения контракта. В значительной мере транзакционные издержки – это отношения между людьми, а издержки производства – это издержки отношения между людьми и предметами, но это следствие скорее их природы, чем определения» [7, с. 29].

В экономике транзакционные издержки определяются как издержки измерения, т.е. оценки полезных свойств объекта обмена, и принуждения к выполнению соглашения. В более широком смысле, в контексте эволюции общества, транзакционные издержки – это все издержки, возникающие в процессе взаимодействия людей во времени (Норт). Транзакционные издержки – это ценность ресурсов, затрачиваемых на осуществление транзакций [27, с. 61].

Трансакционные издержки, возникающие по ходу взаимодействия экономических агентов, противопоставляются трансформационным (производственным) издержкам, связанным с физическим преобразованием ресурсов. Значение трансакционных издержек, как показали Дж. Уоллис и Д. Норт, возрастает в процессе экономического развития.

Экономисты, изучающие трансакционные издержки, в целом анализируют их взаимосвязь с институциональными изменениями в обществе. Однако отсутствуют фундаментальные разработки историко-экономического анализа, посвященные изучению взаимовлияния институциональных изменений и трансакционных издержек (в их самом широком понимании) в процессе эволюции многих конкретных обществ на достаточно длительных временных интервалах. Такие фундаментальные исследования не могут быть исключительно абстрактными, а вышеобозначенная взаимосвязь не может быть выявлена только на основе логического метода исследования.

Требуется тщательное и обширное исследование данных вопросов в рамках конкретных общественных систем. В частности, не исследованы проблемы взаимовлияния институциональных изменений и трансакционных издержек в процессе исторической эволюции стран Восточной Европы. Причем, учитывая различные институциональные условия, определяемые, например, менталитетом и господствующей религией, есть необходимость проводить не комплексно исследования для всех стран Восточной Европы, а для тех, которые близки по своим институциональным (в широком смысле) структурам и имеют длительную общую историю развития социально-экономических систем.

Таким образом, институциональные изменения в современных социумах представляют собой различные трансформации формальных и неформальных институтов на базе неизменных матриц, которые мы назвали бы цивилизационными. Эти базовые матрицы сформировались в период выделения Западной цивилизации как альтернативы социуму, выработавшему и закрепившему в сознании людей программу выживания, ориентированную на подчиненность личного мироощущения коллективному. Именно в эту эпоху и начинается собственно прогресс человечества как противоречивого единства физического, социального и духовного мира.

Мы полагаем, что помимо цивилизационных базовых X- и Y-матриц можно вычленишь и устойчивые матрицы малых этнических социумов, которые мы бы назвали малыми базовыми матрицами. Они определяют фундаментальные основы жизнедеятельности тех социумов, которые по своим масштабам (как географическим, так и этническим) значительно меньше цивилизационных образований, однако не совпадают с этими цивилизационными образованиями, а находятся с ними в определенных соотношениях. При этом малые базовые матрицы устойчивы и не «растворяются» в цивилизационной матрице. По характеру соотношения можно выделить малые базовые матрицы, которые находятся:

- внутри адекватной цивилизационной матрицы;
- на границе двух противоположных цивилизационных матриц;
- внутри противоположной цивилизационной матрицы;
- на границе двух родственных цивилизационных матриц.

Республика Беларусь, малая базовая матрица которой сформировалась в VIII – XIII века, расположена на границе двух противоположных цивилизационных матриц – Западной и Восточнославянской, или Восточно-православной. При этом Восточнославянская матрица является для Беларуси родственной, а Западная – противоположной. Это накладывает отпечаток на специфику внедрения в белорусскую матрицу комплементарных институтов из двух соседних цивилизационных матриц, что в свою очередь оказывает влияние на специфику возможных сценариев институциональных изменений.

Условно основные сценарии можно представить следующим образом (таблица).

Сценарии институциональных изменений малой базовой матрицы Республики Беларусь

Сценарий	Условия реализации	Вероятность реализации
1. «Прозападный сценарий» (замена базовых институтов малой матрицы в сторону ее конгруэнтности Y-матрице)	1. Фундаментальное изменение формальных правил (институтов) в политической и экономической сферах жизнедеятельности социума на конституционном уровне	Низкая, поскольку данный сценарий предполагает разрушение малой базовой матрицы, что, как было отмечено выше, возможно только с гибелью соответствующего этноса
	2. Кардинальные преобразования в идеологической сфере (и более широко – в культуре народа), способные переориентировать миропонимание, т.е. все ценностные установки, на первенство личного начала над коллективным (общественным)	
	3. Внедрение всех базовых институтов Y-матрицы в малую белорусскую матрицу не как комплементарных, а как основополагающих	

Окончание таблицы

Сценарий	Условия реализации	Вероятность реализации
2. Поглощение малой базовой матрицы родственной цивилизационной матрицей	1. Унификация формальных политических правил и в перспективе – «растворение» политических институтов малой базовой матрицы в цивилизационной матрице	Невысокая, так как ориентирована фактически на разрушение малой базовой матрицы и «растворение» белорусского этноса в российском. Сам факт наличия устойчивой малой матрицы свидетельствует о том, что ценностные установки общества обращены на сохранение его целостности и автономии, а не на ассимиляцию
	2. Создание общего экономического пространства со всеми его атрибутами	
	3. Активное внедрение формальных и неформальных норм организации культурной сферы жизнедеятельности, ориентированных на ценностные установки российского менталитета как менталитета «народопокровителя»	
3. Импорт и эффективная трансплантация непротиворечивых конгруэнтных институтов (как базовых, так и переменных) из двух цивилизационных матриц и их внедрение в качестве комплементарных на первоначальном этапе	1. Выбор тех формальных правил и норм поведения, которые не разрушают базовые институты политической сферы малой матрицы, а эффективно их дополняют. Сохранение своей государственности и целостности как этноса	1. Высокая, если все условия реализуются одновременно. 2. Низкая, если хотя бы одно из этих условий не соблюдается
	2. Адекватность импортируемых и трансплантируемых формальных институтов неформальным правилам в сфере культуры и идеологии	
	3. Активное развитие и внедрение в экономическую сферу рыночных институтов как комплементарных с последующей их трансплантацией в базовую матрицу как фундаментальных	

Сложность реализации даже наиболее приемлемого сценария институциональных изменений связана, как уже было отмечено выше, с величиной соответствующих транзакционных издержек. Как мы полагаем, в случае третьего сценария (см. таблицу) эти издержки будут оптимизированы, так как отбор эффективных конгруэнтных комплементарных институтов будет осуществляться не через их активную агрессивную борьбу за вытеснение одних институтов другими, а через согласованность и взаимодействие.

Выводы. Сложный процесс институциональных изменений в настоящее время представляет собой процесс трансформации «внешних проявлений», т.е. не сопровождается коренной заменой базовых институтов цивилизационных матриц. Специфика Западной цивилизации и соответствующей ей Y-матрицы определяет ориентацию социума на примат сущностного понятия Я над понятием Мы. В противоположность Западу, Восток сформировал цивилизационную матрицу, в которой коллективные (общественные) ценности занимают в иерархии соотношения Я – Мы более высокую ступень. Эти разные системы ценностей противостоят друг другу в сложном единстве, определяющем в конечном итоге вектор прогресса человеческого общества как единства физического, духовного и социального мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби, А.Дж. Постигание истории / А.Дж. Тойнби; сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой; закл. ст. Е.Б. Рашковского; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
2. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭ и ОППСО РАН, 2001.
3. Demsetz, H. Toward a Theory of Property Rights / H. Demsetz // American Economic Review. – 1967. – № 57. – P. 347 – 359.
4. Anderson, T.L. The Evolution of Property Rights: A Study of the American West / T.L. Anderson, P.J. Hill // Journal of Law and Economics. – 1975. – Vol. 18, № 1. – P. 163 – 179.
5. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
6. North, D. The First Economic Revolution / D. North, R. Thomas // Economic History Review. – 1977. – Vol. 30, № 2. – P. 240 – 241.
7. Эггертссон, Т. Экономическое поведение и институты / Т. Эггертссон. – М.: Дело, 2001.
8. Фуруботн, Э.Г. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории / Э.Г. Фуруботн, Р. Рихтер. – СПб.: Издат. Дом Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2005.
9. Libecap, G. Contracting for Property Rights / G. Libecap. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

10. Солодовников, С.Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С.Ю. Солодовников. – Минск: Право и экономика, 2006.
11. Никитенко, П.Г. Социально-экономические системы Беларуси и России: эволюция и перспективы / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. – Минск: Белорус. наука, 2008.
12. Нестеренко, А.Н. Экономика и институциональная теория / А.Н. Нестеренко. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
13. Попов, Е.В. Эволюция институтов микроэкономики / Е.В. Попов. – М.: Наука, 2007.
14. Клейнер, Г.Б. Эволюция институциональных систем / Г.Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004.
15. Некипелов, А.Д. Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве / А.Д. Некипелов. – М.: Экономика, 2006.
16. Шаститко, А.Е. Новая институциональная экономическая теория / А.Е. Шаститко. – М.: Теис, 2002.
17. Тамбовцев, В.Л. Теории институциональных изменений / В.Л. Тамбовцев. – М.: Инфра-М, 2008.
18. Дорина, Е.Б. Формирование институциональной структуры белорусской экономики в условиях трансформации / Е.Б. Дорина. – Минск, 2007.
19. Перепелица, Г.В. Формирование институциональной среды в российской экономике / Г.В. Перепелица. – Казань, 2006.
20. Табурчак, А.П. Институциональная среда и эффективность связующих процессов корпоративных структур в промышленности / А.П. Табурчак. – Белгород, 2007.
21. Пустовійт, Р.Ф. Формування інституційного середовища підприємництва в трансформаційній економіці / Р.Ф. Пустовійт. – Киев, 2006.
22. Илякова, И.Е. Недискретная институциональная среда как основа устойчивого экономического развития / И.Е. Илякова. – Йошкар-Ола, 2008.
23. Commons, J.R. Institutional Economics / J.R. Commons. – Madison, Univ. Of Wisconsin Press, 1934.
24. Arrow, K.J. The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the choice of Market Versus Non-Market Allocation / K.J. Arrow // The Analysis and Evaluation of Public Expenditures: The PBB System, Joint Economic Committee, 91 Cong., 1st sess., vol.1. – Wash., D.C.: Government Printing Office. – P. 48.
25. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Р. Коуз. – М.: Дело, 1993.
26. Demsetz, H. The Firm in Economic Theory: A Quiet Revolution / H. Demsetz // American Economic Review. – 1997. – P. 426.
27. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учеб. / А.А. Аузан [и др.]; под общ. ред. А.А. Аузана. – М.: ИНФРА-М, 2006.

Поступила 04.12.2009

CONCEPTUAL APPROACHES TO SCENARIOS OF CIVILIZATIONAL AND SMALL BASIC INSTITUTIONAL MATRIXES' CHANGES

S. KSENZOV, V. KSENZOVA, K. SHEBEKO

Actual problems of institutional changes are considered. The main directions of institutional environment changes taking into account selection of both basic civilizational matrixes and steady small institutional matrixes are considered. The analysis of western and domestic researches devoted to the nature of institutional changes and influence on these transactional cost's changes as a major endogenous factor are carried out. The attention is addressed to insufficient level of a readiness of the concept of adequate institutional changes for the countries with the H-matrix. Authors offer possible scenarios of institutional environment transformation (on an example of the Republic of Belarus), being repelled from idea that the small basic matrix is a steady formation and can be in various ratios with civilizational matrixes (both related and opposite).